

ВСЕ
АФОРИЗМЫ
ФАИНЫ
РАНЕВСКОЙ

БМ

Фаина Георгиевна Раневская
В. Тюрин
Все афоризмы
Фаины Раневской
Серия «Библиотека мудрости.
Эксклюзивная коллекция»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74088552
ISBN 978-5-17-186271-8

Аннотация

Фаина Раневская – заслуженная советская актриса театра и кино, чьи колкие и остроумные высказывания занимают особое место в сердцах многих поколений.

В этой книге собраны все легендарные, и даже самые редкие, высказывания «королевы эпизода», а также интересные факты из ее жизни. Каждая страница этого сборника – возможность вновь прикоснуться к удивительному таланту женщины, умевшей смеяться сквозь слезы!

Содержание

Введение	5
Раневская как культурный миф	5
Природа ее остроумия	12
Детство и семья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Все афоризмы
Файны Раневской
Составитель В. Тюрин

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Введение

Раневская как культурный миф

Судьба афоризмов странна. Они редко живут там, где родились. Сказанная в гримерке фраза выходит в коридор, потом в курилку, потом в чью-нибудь записную книжку, а дальше уже начинает жить отдельно от человека, который ее произнес. С Фаиной Раневской произошло именно это, только в гораздо большем масштабе. Ее слова давно покинули театральные стены и поселились в повседневной речи, газетных колонках, разговорах на кухне, чужих письмах, сборниках «на память», интернете, где имя автора часто вспоминают раньше, чем саму фразу дочитывают до конца. Так бывает не с каждым остроумцем. Так бывает с теми, кто перестает быть просто человеком и становится образом.

Раневская давно уже не просто великая актриса, исполнительница ролей, которые пережили свое время, или женщина с трудным характером, безошибочным слухом на фальшь и редким даром смешить до боли. Она стала культурным мифом, но не таким, когда человека приукрашивают и превращают в картонный памятник. Ее имя теперь означает не только ее саму, но и особый взгляд на мир. Если сказать «это по-раневски», все сразу понимают, о чем речь, даже если

сперва не могут точно подобрать слова. Это и короткий удар по самодовольству, и жалость, спрятанная под колкостью, и точность, от которой сначала смешно, а потом чуть неловко. В этом смысле Раневская стала не просто фигурой прошлого, а живым воплощением языка культуры своего времени.

Поразительно, что Раневскую цитируют люди, которые никогда не видели ее на сцене и, может быть, не смотрели фильмов с ее участием. Для театрального актера это почти недостижимый результат. Кино оставляет лицо и голос, театр – легенду и память современников. Раневская уцелела и там и там, но также осталась на устах миллионов людей. Многие знают ее не по роли в «Мечте», не по мачехе из «Золушки», не по эпизодам, в которых она порой затмевала главных героев, а по интонации, которую угадывают даже на бумаге. Это редчайший случай: человек становится узнаваем не только благодаря внешности и поступкам, но и мысли.

Спросите любого: «Знаете Раневскую?» – и вам наверняка ответят цитатой «Муля, не нервируй меня!». Дальше пойдут фразочки про одиночество, старость, мужчин, бессонницу, деньги, сволочей и красоту. Человек может ничего не знать об актрисе, но цитату выдаст, не задумываясь. Причем выдаст с интонацией – хрипловатой, чуть усталой, с той особой ноткой, с какой произносят вещи одновременно смешные и горькие.

Отчасти это связано с тем, что сама Раневская была парадоксально современной и несовременной одновременно, в

лучшем смысле. Ее остроты не были показушными. В них не было желания понравиться. Она говорила так, как думала. Ее фразы не «конструировались» для будущих потомков, а рождались как реакция на глупость, хамство, фальшь, пошлость, страх, старость, одиночество. Возможно, именно поэтому они так прижились в наши дни.

У каждой великой культуры есть свои остроумцы-легенды. Англоязычный мир веками цитирует Оскара Уайльда – человека, умевшего любую банальность вывернуть наизнанку и обнаружить в ней парадокс. Америка носится с Марком Твенем, Дороти Паркер, Граучо Марксом. Франция вспоминает Саша Гитри и, конечно, Вольтера. Раневскую иногда называют «русским Уайльдом в юбке», и в этом сравнении есть доля правды: обоим роднит способность упаковать сложную мысль в одну фразу, блестящую, как фантик, – но внутри не конфета, а перец. Оба любили эпатаж и прятали боль за остротами. И обоим приписывают в разы больше, чем они на самом деле сказали. Но были и различия. Уайльд любил парадокс как драгоценную форму. Он шлифовал мысль, как ювелир шлифует камень. Раневская не шлифовала – она била навывлет. В ней было меньше салонной игры и больше уличной беспощадности, хотя и это слабо сказано. Если Уайльд иной раз наслаждался самой красотой парадокса, то Раневская чаще пользовалась им как оружием. Ее реплика редко существовала только ради блеска: за ней стояло слишком острое понимание человеческой нелепости.

С Марком Твенем ее роднит другое: способность одним замечанием перевернуть привычный взгляд на предмет. Твен умел прикинуться простаком и от этого бить еще точнее. Раневская, напротив, никогда не прикидывалась. Ее ум был виден сразу. Она тоже обладала твеновским даром высветить абсурд. Твен при этом работал со словом профессионально – записывал, правил, публиковал. Раневская же не «сочиняла» свои остроты. Они возникали в разговоре, закулисье, телефонной болтовне, за столом, в очереди к врачу. Многие из них дошли до нас в пересказе третьих лиц со всеми вытекающими последствиями.

Все эти сравнения с зарубежными литераторами могут считаться комплиментами, хотя в них есть легкая несправедливость. Чтобы описать женщину исключительного ума, ей тут же подбирают мужской аналог, как будто собственного масштаба недостаточно. Между тем Раневская не чья-то русская версия. Она явление самостоятельное. У нее своя мера яда, своя мера боли, своя музыка речи.

И все же миф о Раневской имеет оборотную сторону. Чем шире расходится имя, тем легче к нему прилипает чужое. Народная молва обожает остроумие, но еще больше она любит удобного автора, которому можно приписать любую удачную колкость. С Раневской это случилось в полной мере. Ее образ оказался настолько емким, что в него стали складывать все, что звучит язвительно, неожиданно и чуть неприлично. Многие фразы, десятилетиями гуляющие под

ее именем, либо не имеют подтвержденного источника, либо возникли значительно позже, чем могли быть произнесены, либо вообще принадлежат другому автору. Порой достаточно увидеть реплику с современной интонацией, с поздними оборотами речи, со слишком уж аккуратной «сетевой» концовкой, чтобы заподозрить подделку. Но народному воображению это не мешает. Наоборот, оно любит именно такую Раневскую: женщину, которая на все имела готовый афоризм.

Подлинная же Раневская не была автоматом для производства метких фраз. Она могла быть язвительной, но могла быть и молчаливой; могла сорить остроумием, а могла вдруг говорить просто, устало, без всякой игры. Именно поэтому так важен вопрос об источниках. Составляя сборник афоризмов, нельзя собирать все подряд по принципу «похоже на нее – значит, годится». Такой способ только укрепляет миф и стирает живого человека.

Отличить подлинное от легенды не всегда легко. Самыми надежными источниками информации остаются мемуары людей, близко знавших актрису, собственные письма, дневниковые записи, интервью, опубликованные при жизни или вскоре после нее, театральные воспоминания. Полезны книги современников, в которых фраза не висит в пустоте, а вплетена в обстоятельства: кто присутствовал, по какому поводу сказано, как отреагировали. Ненадежнее поздние сборники «лучших афоризмов», особенно те, что не сопровож-

дают текст ни ссылкой, ни датой, ни указанием свидетеля. Совсем осторожно нужно обращаться с интернет-подборками: там Раневской часто приписывают не только чужие слова, но и слова, которые явно написаны литературным языком более поздней эпохи.

Алексей Щеглов, внук близкой подруги Раневской Павлы Вульф, – самый надежный источник. Он общался с Фаиной Георгиевной с детства, она называла его «эрзац-внуком», он записывал за ней. Его книга воспоминаний, вышедшая после смерти актрисы, содержит множество фраз, которые можно считать документально подтвержденными. Хотя и здесь нужна оговорка: память человеческая – штука ненадежная, а запись по памяти неизбежно привносит пересказчика в текст.

Есть еще мемуары Матвея Гейзера, биографа Раневской, письма самой Фаины Георгиевны, ее немногочисленные записные книжки, интервью – их было мало, Раневская не любила журналистов и говорила о них вежливо, но точно: «Они все перевернут». Есть свидетельства коллег по театру – Ростислава Плятта, Марины Нееловой, других. Есть, наконец, воспоминания случайных людей, попадавших в орбиту ее обаяния: врачей, соседей, попутчиков.

Поэтому следует быть осторожными в поисках реальных слов Фаины Георгиевны. Иногда честнее оставить блестящий апокриф за пределами книги, чем впустить его лишь потому, что он «всем известен». К Раневской это особенно

относится. Ее настоящее остроумие не нуждается в подделках.

Хотя миф тоже может быть по-своему прекрасен. Сам факт, что миллионы людей хотят, чтобы именно Раневская произнесла ту или иную фразу, говорит о ней больше, чем любая задокументированная история. Ей верят. В нее верят. Верят, что она могла сказать про жизнь, про любовь, про одиночество и про пошлость именно так: хлестко, больно, с хохотом и со слезой.

Для Раневской контекст особенно дорог. Ее слова нельзя до конца понять, если вынуть их из ее судьбы, ее манеры произносить, той секунды, когда смешное было не украшением речи, а формой существования. В ее репликах слышен голос времени, советского быта, театрального закулисья, старомосковского разговора. Это интонации человека, пережившего слишком многое и не разучившегося видеть юмор даже там, где смешного почти не осталось.

Природа ее остроумия

То, что у Раневской называли остроумием, было не просто свойством ума – скорее способом не погибнуть под тяжестью окружающего мира. Она слишком остро чувствовала нелепость, чтобы реагировать на нее спокойно. Смех в ее случае не развлечение, а оборона. Это была женщина, которая умела первой высмеять собственную беду, отнимая у нее тем самым часть власти. Самоирония у Раневской не кокетство и не литераторство. В ней было что-то аскетическое: раз уж жизнь не щадит, нужно хотя бы не щадить себя в оценках. Эта жесткость по отношению к себе и делала ее колкости убедительными. Она не занимала привилегированное место судьи, который осуждает других с безопасного расстояния. Она знала цену слабости, тщеславию, одиночеству, старению, зависимостям, унижениям и говорила, опираясь на эти знания.

Наверное, поэтому в самых смешных ее словах почти всегда слышится тень грусти. Ее смех редко бывает безоблачным. В нем есть хрипотца, надлом, память о том, что человеку вообще не слишком уютно на земле. Раневская принадлежит к редкому типу людей, для которых комическое и трагическое не сменяют друг друга, а существуют вместе, в одной реплике и случайно брошенном взгляде. Она умеет сделать смешным то, от чего вপুরе заплакать, и печальным то, над

чем только что смеялись. Это и есть настоящее трагикомическое мироощущение, не театральный прием, а стиль жизни. Оттого афоризмы Раневской не стареют. Пока человек уязвим, смешон, самолюбив и смертен, ее колкости остаются понятными и жизненными.

Можно сказать, что Раневская была великим наблюдателем, но это будет слишком слабо сказано. Наблюдательность у нее была хищная. Она замечала не деталь ради детали, а изъян в самой конструкции. Где другой видел просто неловкость, она видела диагноз. Где другие обходились вежливой формулой, она находила слово, после которого предмет уже нельзя было воспринимать по-прежнему. В этом была ее редкая сила. Настоящий афорист не просто умеет сжато изложить мысль – он умеет раскрыть суть так, что дальнейшие пояснения становятся лишними. Раневская именно так и действовала. Ее фразы напоминали молнию: осветят комнату, и на мгновение все станет видно слишком отчетливо.

Причем ее беспощадность не была отвлеченной. Она не претендовала на роль философа. Ее мудрость рождалась из конкретного опыта. Театр, зависть, бедность, поздняя слава, вечное ощущение неустроенности, болезненная чувствительность, зависимость артиста от чужой воли, невозможность устроить «правильную» жизнь по общепринятому образцу – все это входило в ее мироощущение. Когда она говорила о людях, за фразой стояли годы наблюдений. Когда язвила по поводу пошлости, это не был каприз эстета. Ее физи-

чески коробило от всякой лжи, от фальшивой красоты, от пустого пафоса, от той самодовольной тупости, которая назидает других. Оттого ее реплики так часто попадали в цель. Они были сказаны человеком, который не выдумывал пороки, а жил среди них и слишком хорошо различал их оттенки.

Отдельная тайна Раневской – язык. Он у нее никогда не был чисто книжным или чисто разговорным. В одной и той же фразе могли встретиться интонация старой интеллигентской речи, уличное просторечие и абсурд, который все переворачивал с ног на голову. Она свободно пользовалась всеми этими противоречиями, не заботясь о чистоте языка и стилистической дисциплине. Сначала речь будто бы идет привычно, затем в нее врывается грубоватое словцо или слишком приземленный образ, и от этого вся конструкция обретала ту самую незабываемую остроту. А иногда наоборот: бытовая жалоба вдруг поднималась до трагической высоты. Так говорил человек, для которого язык не был просто витриной, а являлся живым материалом.

В этом смешении было и нечто глубоко театральное. Раневская слышала речь как актриса. Она знала цену паузе, знала, когда слово должно ударить, а когда проползти, как тень. Даже на бумаге ее афоризмы сохраняют ощущение голоса. Их хочется не столько читать, сколько произносить вслух, пробуя интонацию, задержку, ударение. Почти сразу выясняется, что значительная часть их силы – в ритме. Она умела ставить фразу так, как ставят сцену: с нарастанием, со

срывом, с последним словом, после которого наступает короткая пауза. Отсюда и запоминаемость.

Есть у ее речевой манеры еще одна черта, которую часто упускают из виду. Она не боялась некрасивого слова, если оно было точным. В эпоху, когда многие старались говорить либо идеологически правильно, либо литературно приглаженно, Раневская позволяла себе резкость и неожиданную разговорную шероховатость. Не ради эпатажа, а потому что прилизанная речь плохо годится для описания неприлизанной жизни. Слишком воспитанное слово часто несет в себе неискренность. А у нее был дар чувствовать, когда человек лукавит. Отсюда тяга к просторечию, к земному, телесному, иногда грубому слову, которое придавало мысли вес.

Но если видеть в ней только злоязыкую острословку, легко ошибиться. За внешней резкостью у Раневской пряталась не только ранимость, о которой много говорили, но и редкая способность к состраданию. Просто жалость у нее не была сладкой. Она не любила сентиментальность, не доверяла красивым словам о добре, но людей жалела от всей души. Может быть, именно поэтому так беспощадно смеялась над человеческой глупостью. Ее раздражало не то, что человек несовершенен, а то, что он часто добровольно соглашается принижать самого себя. Смех Раневской существует для того, чтобы показать, как много в жизни унижительного, мелкого, ненастоящего.

Секрет долговечности юмора Раневской не в эффектных

колкостях как таковых, не в репутации «женщины, которая могла ответить всем», и не в удачном наборе широко разошедшихся реплик. Ее слова живут потому, что в них есть нерв. Они не просто смешат, а помогают указать на то, что другие лишь смутно чувствовали. Они позволяют хотя бы на минуту перестать бояться пошлости, лицемерия и собственной нелепости. Хороший афоризм сам по себе может стать маленьким актом сопротивления, которых у Раневской было множество.

Поэтому Фаину Георгиевну и продолжают цитировать люди, далекие от театра, истории советской сцены и подробностей ее биографии. Они узнают в ее словах не эпоху, а темперамент сопротивления. Мир меняется, декорации другие, скорость речи другая, но люди те же. Все так же смешны их претензии на значительность, и грустно от того, как они прячут пустоту за улыбкой. Все так же им трудно стареть, любить, терпеть, зависеть от чужого мнения и одновременно делать вид, будто не зависишь. Раневская видела это без иллюзий и говорила об этом так, как думала.

Остроумие у нее было формой правды. Неровной, злой, нередко пристрастной, иногда несправедливой, но живой. Люди готовы простить афористу жестокость, если чувствуют, что она куплена дорогой ценой. Раневская платила дорого, именно потому ее слова не исчезли вместе с ней, а остались с нами. Не как музейные таблички, а как нестареющий голос человека, который сумел превратить личную боль в си-

лу.

Детство и семья

Биография Раневской начинается не с театра, не с афоризмов и даже не с фамилии, под которой ее узнала вся страна. Сначала была девочка Фанни Фельдман, родившаяся в Таганроге 27 августа 1896 года, в обеспеченной еврейской семье, где хватало и достатка, и привычки к порядку, и представлений о том, как должна быть устроена нормальная жизнь. Ее отец, Гирш Хаимович Фельдман, был человеком состоятельным, занимался торговыми и промышленными делами. Мать, Милка Рафаиловна, вела дом. Семья жила прочно, с укладом, в окружении вещей, которые должны были обещать устойчивое будущее. В таких домах детям обычно желают надежной судьбы, а не сцены, душевных метаний и бедности.

Таганрог конца девятнадцатого века оставался южным городом с влиянием купеческого, провинциального и портового быта. Там часто сияло солнце, море шумело неподалеку, степной простор звал в путь и чувствовался запах пыли летом и особый медленный ход жизни, который потом так часто вспоминают с тоской. Этот город навсегда остался в памяти Фаины Георгиевны. В Таганроге все началось и там же впервые возникло то болезненное чувство одиночества, которое потом будет сопровождать ее всю жизнь.

С детства Раневская тяжело переживала собственную

непохожесть. Она заикалась, и это стало не просто досадной особенностью, а настоящей травмой. Для любого ребенка речь является самым простым способом войти в общество, быть понятым и принятым. Когда слово подводит, человек рано узнает унижение, страх, неловкость, желание спрятаться раньше, чем кто-то успеет заметить твою слабость. Позднее в ее язвительности и мгновенной готовности опередить чужой удар было много именно отсюда. Самоирония редко возникает на пустом месте: обычно она вырастает там, где человеку слишком рано пришлось почувствовать боль от чужого взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.